

Духовно-нравственные уроки грузинской истории в трагедии А. Грифиуса «Екатерина Грузинская»

В трагическом XVII веке Германия переживала темное и страшное время: Тридцатилетняя война, Контрреформация, междоусобные войны и антифеодальные крестьянские мятежи погрузили немецкие земли в нищету, страх и отчаяние. Однако, несмотря на все это, Германия сохранила свою культуру и сделала важный шаг в создании фундамента национальной поэзии, драматургии и прозы на немецком языке. Этому способствовали не только духовные усилия лучших сыновей Германии, но и освоение опыта других народов, других культур. Это наглядно демонстрирует творчество самого выдающегося лирического поэта немецкого барокко Андреаса Грифиуса (1616–1664).

Андреас Грифиус — не только выдающийся поэт, но и драматург, прозванный современниками «немецким Шекспиром». Трагедии Грифиуса составляют единое целое с его поэзией, тем более что они написаны стихами и прямо включают в себя лирические междудействия — монологи и хоры. Они, как и лирика, раскрывают богатый внутренний мир поэта, его напряженную мысль. Именно Грифиус по праву считается основателем немецкого национального театра. Выдающийся российский германист Б. И. Пуришев пишет, что, «представляя себе мир юдолью слез и страданий, ареной неутихающей борьбы враждующих сил, Грифиус вполне закономерно обратился к жанру трагедии, еще не получившему в Германии заметного развития. Он явился первым выдающимся немецким “ученым” драматургом, стремившимся привить немецкой драматической литературе формы новейшей европейской риторической драмы, основанной на определенных “классических” правилах» [3, с. 243]. Безусловно, для Грифиуса был значим не только опыт Шекспира, мотивы которого он творчески перерабатывает, но и опыт французских классицистов, в первую очередь П. Корнеля с его величавым и гордым героем долга, с его вниманием к мученикам христианской веры. Однако трагедии Грифиуса являются преимущественно барочными, хотя внешне в них могут быть соблюдены классицистические «три единства». Барочное

начало проявляется в сложной, запутанной интриге, в натуралистических подробностях, в противоречивости характеров героев, в теме бренности всего сущего и утверждении бессмертия человеческого духа пронизывающих каждую трагедию.

Впрочем, Грифиус не сразу нашел своего позитивного героя. Первая трагедия — «Лев Армянин» («Leo Armenius», 1646) — является скорее «трагедией без героя»: в пьесе на сюжет из византийской истории IX в. зритель и читатель видит замкнутый кровавый круг насилия и преступлений. Сам драматург утверждал, что главная его задача — показать «преходящий характер человеческих дел». Истинного героя Грифиус обрел только во второй трагедии — «Екатерина Грузинская» («Katharina von Georgien», 1647), которая принесла ему большую славу. Показательно, что Грифиус обращается к истории различных народов и стран — Византии, Грузии, Англии («Убиенное величество, или Карл Стюарт, король Великобритании», 1649), Древнего Рима («Мужественный законник, или Умиравший Папиниан», 1650), и каждый раз чужая история становится не чужой для немецкого поэта, превращающего ее в парадигму духовно-этических поисков для своего народа.

В наибольшей степени уроками духовного мужества, верности родине и Богу наполнена именно трагедия Грифиуса из грузинской истории. Белорусская исследовательница Г. В. Синило отмечает: «Подлинным стоическим героем Грифиуса, воплощением нравственного долга, жертвенности во имя родины и веры становится Екатерина Грузинская в одноименной трагедии... Изображая в пьесе опустошение Грузии в результате персидского нашествия 1624 г., драматург и поэт побуждал соотечественников задуматься над участью Германии, над судьбами духовности в жестокое время, когда “вся родина погребена под пеплом и являет собой зрелище суетности всего человеческого”» [7, с. 462].

За основу сюжета «Екатерины Грузинской» взята реальная история из жизни царицы Грузии — Кетеван. Как пишет иеромонах Макарий Симонопетрский, «она жила в то время, когда Грузия разрывалась между двумя сильными враждующими соседями — Османской империей и Персией при шахе Аббасе Великом (1587–1629). Даже грузинская царская семья разделилась из-за политических разногласий. Одни князья воспитывались в Персии, другие — в Турции. Этим были обусловлены и их предпочтения, часто шедшие вразрез с интересами родины» [5].

Княжна Кетеван, происходившая из картлийской царской семьи Багратидов, вышла замуж за Давида, старшего сына царя Кахетии Александра II, однако его царствование было непродолжительным. Он умер в 1601 году, оставив сына Теймураза, которого ожидало блестящее будущее. Его отправили к персидскому двору для получения наилучшего образования.

Как сообщает Макарий Симонопетрский, «брат покойного царя Давида, Константин, был человеком низменной души и амбициозным: будучи в Персии, он обратился в ислам и стал шиитом. По наущению шаха Аббаса он убил собственного отца, Александра, и своего младшего брата Георгия, чтобы править в Кахетии единолично. Совершив эти злодеяния, он предложил Кетеван разделить с ним трон. Отказавшись от низкой сделки, благочестивая царица собрала войско против предателя, и в сражении Константин был убит» [5].

Шах Аббас постоянно строил козни против грузинских христианских царей. Чтобы расправиться с Теймуразом, в 1615 г. шах захватил территорию Ганджи. И тогда царица Кетеван отправилась ко двору Аббаса со своими внуками, Леваном и Александром, просить пощадить Грузию. Шах Аббас согласился при условии, что царевичи останутся с ним. Впоследствии он приказал оскотить их, от чего старший умер, а младший сошел с ума.

Царица Кетеван отвергла предложение шаха выйти за него замуж и была брошена в темницу. Отказавшись перейти в ислам, она провела десять лет в заточении и претерпела страшную смерть. Макарий Симонопетрский пишет: «Ее тело раздирали раскаленными крюками и вертелами, но перед каждой пыткой она осеняла себя крестным знаменем и произносила: “Во имя Отца и Сына и Святого Духа”. Наконец ей надели на голову чан с горящими углями, причинявшими ужасную боль. Затем палачи убили ее, задушив тетивой. Этот славный мученический подвиг совершился в Ширазе 22 сентября 1624 года. По преданию, с неба спустились три столпа света и стояли над телом святой Кетеван. Оно было выброшено в городскую сточную яму, но ночью пришли христиане и забрали его, чтобы достойно похоронить. Через год католические монахи нашли могилу святой Кетеван и отдали ее главу Теймуразу, снова вззошедшему на трон. Драгоценная святыня была положена в церкви святого Георгия в Алаверди, где она почитается до наших дней» [5].

На Андреаса Грифиуса произвела очень большое впечатление история царицы Кетеван, о которой он узнал во время пребывания во Франции из одной из французских хроник. Поведение грузинской царицы стало для него ярчайшим примером стойкости духа и веры — образцом стоицизма, столь важного для «немецкого Сенеки», как еще называли Грифиуса. Его мало волновала политическая тема (она не доминирует в трагедии). На первом плане для немецкого драматурга — сама Екатерина, ее верность себе и христианской вере. Для Грифиуса она воплощает то, что нидерландский мыслитель Юст Липсий обозначил как *Constantia* — Постоянство, понимая его как жизненную опору и духовную основу, позволяющую человеку оставаться самим собой (трактат «*De Constantia*», 1584). Центральной коллизией трагедии Грифиуса становится противостояние духовного и подлинно нравственного начала, воплощенного в Екатерине, и плотского, жестокого, бесчеловечного, воплощенного в шахе Аббасе. Как пишет Л. В. Пумпянский, «абстрактная антитеза духа и плоти, аскетизма и эротики особенно ярко выступает в натуралистической картине пыток Екатерины и ее предсмертного мужественного экстаза» [2, с. 385]. Заметим, однако, что антитеза духа и плоти не столь уж абстрактна для Грифиуса и его читателей и зрителей: в Германии XVII в. духовная стойкость и смерть за веру были не столь уж редким явлением.

В обращении к «достопочтенному читателю» в начале своей трагедии сам А. Грифиус пишет в энергичных перечислениях, словно в мазках, накладываемых на полотно, передавая основные коллизии и проблемы своей трагедии:

«Die von mir begehrete Catharine trit nunmehr auff den Schauplatz vnser Vaterlandes / vnd stellet dir dar in jhrem Leib vnd Leiden ein vor dieser Zeit kaum erhöretes Beyspiel vnaußsprechlicher Beständigkeit / die Crone Persens / die Ehr deß Siegreichsten vnd Berühmtesten Königes / die Blüthe der Jugend / die vnaußsprechlichen Wollüste / die Freyheit so höher zu schätzen als das Leben / die schreckliche Marter / die Gewalt der Parthen / die Art deß Todes / so grauser als der Tod selbst / die Thränen deß Mitgefangenen Frauenzimmers / das Verlangen nach jhrem Thron / Kind / vnd Königreich bekriegen eine zarte Fraw / vnd müssen überwunden vnter jhren Füßen ligen. Mit kurzem: die Ehre / Tod / vnd Liebe ringen in jhrem Hertzen vmb den Preiß / welchen die Liebe / nicht zwar die Irrdische vnd Nichtige / sondern die

heilig-Ewige erhält / der Tod aber darreichet vnd versichert... Verzeihe
mir Großgunstiger Leser / daß ich dich bißher auffgehalten / vnd wen-
de dein Gesicht mit mir von dem was

Vergänglich auff die
ewigherrschende
EWIGKEIT». [9]

(«Уважаемая мной Екатерина появится сейчас на сцене наше-
го отечества / и на своем примере и в своих страданиях покажет
пример непередаваемого постоянства / корону персов / честь
победоносного и знаменитого короля / цветение молодости / не-
выразимое сладострастие / ценность свободы превыше жизни / не-
ужасную пытку / насилие / такой вид смерти, который страшнее
самой смерти / слезы попавших в плен женщин / требование ее
трона / дитя и королевства обижают хрупкую женщину и она
должна преодолеть все это. Короче говоря: невинность / смерть /
и любовь борются в ее сердце за награду, / которая именно любо-
вью, / а не ничтожным и суетным / несет в себе святое и вечное /
и только смерть довершит это и удостоверит. ...Прости мне, мой
достопочтенный читатель, / что задерживаю тебя до сих пор, / но
теперь я обращаю твой взор на

Прошедшее,
ставшее царящей
ВЕЧНОСТЬЮ».

(Подстрочный перевод наш.— П. Г.)

Кажущееся богатство внешних событий и смерти парадок-
сально сочетаются с внутренней неподвижностью действия и ха-
рактера центральной героини: несмотря ни на что, она верна
себе, своему Отечеству и Богу. Несомненной удачей драматурга
является образ шаха Аббаса, который не изображен сугубо чер-
ными красками. Он способен на сильные чувства, на любовь, но
это любовь эгоистическая и разрушительная. Убедившись, что
Екатерина не отвечает на его чувства, он изобретает для люби-
мой женщины невероятные пытки. Она же идет на смерть с го-
родо поднятой головой. В свое время Л. В. Пумпянский говорил
«о глубокой противоречивости эстетики Грифиуса. Будучи не
в силах подняться над реальными противоречиями современной
ему общественной действительности, поэт создает трагедию об-
реченности, в которой эти противоречия возводятся в неподвиж-
ные метафизические категории человеческого бытия» [2, с. 386].

С этим мнением вряд ли можно согласиться. Трагедия Екатерины — не трагедия обреченности, но прежде всего трагедия стойкости духа, трагедия, утверждающая необходимость подвига ради спасения народа и его души.

Тем не менее, безусловно, тема бренности бытия и видения мира в бесконечной изменчивости, постоянном непостоянстве, пронизывает все произведение. Г. В. Синило отмечает: «Само выражение *vanitas mundi* есть парафраз латинского перевода знаменитого выражения из Книги Экклесиаста — *vanitas vanitatum* (“суета сует”), а также *vanitas vanitatum et omnia vanitas* (“суета сует и все суета”)» [6, с. 16]. В трагедии Грифиуса нет ни одного действия, в котором бы не звучал мотив бренности и суетности мира. Хор, выступающий в конце каждого действия, не раз озвучивает эту тему. Каждый раз он призывает одуматься и осознать, что когда-либо жизни наступит конец, но все равно человеческая душа бессмертна и нетленна. Это роднит трагедию с лирикой Грифиуса.

Один из излюбленных приемов Грифиуса (и одна из самых показательных черт барокко) — резкие контрасты и применение антитез: чистота Екатерины ставится в противовес эгоистичному Аббасу, плач женщин — веселью у шаха. Так реализуется в трагедии барочный принцип *discordia concors* («сочетание несочетаемого»). Принцип *Constantia* находит яркое воплощение в образе добродетельной Екатерины, которая, пройдя все трудности, тюрьму, пытки, сохранила свое «Я» и не поддавалась губительным страстям.

Таким образом, великий поэт и драматург мастерски превратил реальный сюжет из грузинской истории во вневременную парадигму духовной и нравственной стойкости. На примере грузинской царицы-мученицы Кетеван он стремится преподать урок своим соотечественникам в Германии, рисуя идеальный стоический образ. Одновременно он выражает живой интерес к реально Грузии, видит сходство судеб Грузии и Германии, трагический опыт которых важен для всех людей.

В трагедии «Екатерина Грузинская» затрагиваются вечные вопросы добра и зла, любви и ненависти, прощения и мести. Андреас Грифиус учит нас любви, состраданию, стойкости духа, верности самому себе, своим духовным и нравственным принципам, умению жертвовать собой во имя Бога и Родины. Именно поэтому она продолжает оставаться актуальной для нашего времени.

Литература

1. Вачнадзе, М. История Грузии (с древнейших времен до наших дней) [Электронный ресурс] / М. Вачнадзе.— Режим доступа: <http://flibusta.is/b/74098>.
2. Пумпянский, Л. В. Грифиус и драма первой половины XVII века / Л. В. Пумпянский // История немецкой литературы : в 5 т.— М. : Изд-во АН СССР, 1962.— Т.1.— С. 381–391.
3. Пуришев, Б. И. Немецкая литература / Б. И. Пуришев // История всемирной литературы : в 9 т.— М., 1987.— Т.4.— С.243–248.
4. Пуришев, Б. И. Очерки немецкой литературы XV–XVII веков / Б. И. Пуришев.— М., 1955.
5. Симонопетрский, М. Синаксарь: Жития Святых Православной Церкви : в 6 т. [Электронный ресурс] / М. Симонопетрский ; пер. с франц.— М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2011.— Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/49630.html>.
6. Синоло, Г.В. Экклесиаст и его рецепция в мировой культуре : в 2 ч. Ч. 1: Предтечи, поэтика, религиозные интерпретации / Г. В. Синоло.— Минск : БГУ, 2012.
7. Синоло, Г.В. Немецкий Экклесиаст (Мотивы Экклесиаста в лирике Андреаса Грифиуса) // Экклесиаст и его рецепция в мировой культуре : в 2 ч. Ч. 2: Экклесиаст в мировой поэзии : от Поздней Античности до Раннего Нового времени / Г.В. Синоло.— Минск, 2013.— С. 422–469.
8. Gryphius, A. Catharina von Georgien [Электронный ресурс] / A. Gryphius.— Режим доступа : <http://gutenberg.spiegel.de/buch/catharina-von-georgien-2200>.

Д. В. Дашкевич

Москва, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова

Характеристика фонетического акцента носителей языков романской и германской групп (на материале русских переднеязычных шумных согласных)

В наши дни все больше людей начинают изучать иностранные языки, интересоваться культурами других стран. Так, русский язык учат люди из самых различных уголков Земли, и одна из первых трудностей, с которыми им приходится сталкиваться — это фонетика, поскольку «овладение навыками правильного произношения является необходимым условием развития навыков и умений во всех видах речевой деятельности, средством